

Новый Арбат, ресторан «Прага» и не только они...

Ранней весной 1960 года отца вовлекли в жаркие баталии, не утихавшие последние пару лет вокруг московского центра. С запада въехать в город или выехать из него по единственной улице – неширокому Арбату – становилось все труднее. Еще немного, и она вообще заткнется непроходимой пробкой. Транспортную проблему начали решать сразу после войны. Согласно генеральному плану развития Москвы, петлявшую между бараками Дорогомиловскую улицу расширили, застроили добротными многоэтажными «сталинскими» домами и переименовали в Кутузовский проспект, начали сооружать широкий Ново-арбатский мост через Москву-реку. К слову, отец и тут оставил свой след, по его инициативе мост сделали не традиционно стальным, а железобетонным. Мост открыли в 1957 году, к 40-летию Советской власти, но вел он в никуда. Новый широкий проспект доходил до Садового кольца и на его противоположной стороне растворялся в хитросплетении арбатских улочек и переулков. Прорубиться сквозь них, даже при наличии генерального плана, главный архитектор Москвы Посохин не решался. Тут что ни дом, то история, и у каждого свой защитник. Спорили, ссорились почти три года, но так и не договорились. Основные баталии развернулись вокруг Собачьей площадки: Новый Арбат сметал ее с лица земли. Под угрозой оказался ресторан «Прага», из-за него не получалась нормальная транспортная развязка с Бульварным кольцом. Посохин пошел к отцу с просьбой разрубить эти узлы. Условились пригласить всех заинтересованных на строительную выставку на Фрунзенской набережной, где имелся подробный макет застройки центра Москвы, и там выслушать все «за» и «против». Съехалось все руководство Москвы и почти весь Президиум ЦК. Только что вернувшийся из тро-

пической Индонезии, отец успел простудиться, вышел из машины с замотанным шарфом горлом. Чтобы не заражать присутствующих, он поздоровался с встречающими не за руку, поклонился, сложив руки лодочкой.

– Это так в Индии здороваются, – улыбнулся отец.

Гурьбой прошли в помещение, разделись и плотным кольцом окружили макет. Докладывал главный архитектор Москвы, автор проекта Посохин. Вопрос резать или не резать новым транспортным лучом один из старейших московских районов уже не стоял, все понимали – придется: Собачья площадка и другие дорогие сердцу москвичей места, оказавшиеся на пути тогда еще безымянного проспекта, шли под слом. Немного посудачили о многоэтажных жилых домах, по московским меркам тех лет – почти небоскребах, «посаженных» Посохиным по обе стороны проспекта. Дома, похожие полураскрытые книги, он «позаимствовал» у набережной в Гаване. Присутствующие высказываться не спешили, знали, как отец трясется над каждой копеечкой, требует обосновать каждый запроектированный квадратный метр, и ожидали его реакции. Но отец спорить не стал, тут дело особое, новый проспект – лицо города. Он только поинтересовался у докладчика, – все ли согласны с предложенным им архитектурным решением? Посохин замялся. Дома-книжки вызывали у коллег немало нареканий. Поколебавшись немного, Посохин нетвердо произнес: «Большинство».

Вдаваться в детали отец не стал, он помнил дебаты, бушевавшие вокруг восстановления после войны киевского Крещатика: что ни архитектор, то и мнение, – и кивнул головой.

А Посохин стал рассказывать о перепланировке Арбатской площади.

Еще до отъезда в Индонезию отец попросил прислать план ее реконструкции со всеми обоснованиями. Аргументы дорожников звучали весомо: или «Прага», или нормальное, без заторов, движение транспорта в центре города. Я тогда не вдавался в детали, но, как все москвичи, о проекте реконструкции был наслышан. В силу своей молодости, вместе с большинством людей моего поколения я придерживался радикально-прогрессивной позиции: все отжившее свой век – на слом. И не только «Прагу», но и казавшиеся ужасно старомодными московские особнячки, позорившие, по моему мнению, новый Кутузовский проспект, и деревянные, с резными наличниками и иными узорами деревянные избы вдоль тротуаров. Все это, как считала тогда прогрессивно мыслящая молодежь, подлежало замене на современные, строгих форм дома из стекла и бетона, такие, как в Америке. Мы их видели на картинках в журнале «Америка», и смотрелись они очень привлекательно. Так что о «Праге» я не сожалел, тем более что в рестораны почти не ходил и очарования «Праги» на себе не испытал.

В тот вечер отец дома рассматривал разложенные на обеденном столе чертежи, я, естественно, сунул в них свой нос. Отец не любил, чтобы ему мешали, и я молча вглядывался в квадратики, обозначающие будущие дома, параллели будущих улиц, пытался представить, как это получится на самом деле. Наконец отец оторвался от листа, неопределенно хмыкнув, начал сворачивать ватманы в трубку.

– Ну и что? – начал я разговор.

– Что – что? – пробурчал отец. – «Прагу» придется сносить, хотя и жаль. Иначе не выходит, ты сам видел.

Голос отца звучал неуверенно. Не могу сказать, чтобы я разобрался в увиденном на чертеже, но на всякий случай согласно кивнул головой.

«Прагу» отец жалел. Арбат долгие годы был «правительственной» трассой, и при Сталине бдительным охранникам, а возможно и самому «хозяину» вдруг вздумалось, что с веранды на крыше ресторана злоумышленник может бросить в машину вождя гранату или открыть стрельбу. Ресторан закрыли, а в его помещении разместили какую-то контору. После смерти Сталина потребовалось вмешательство отца, чтобы в 1954 году возродить ресторан к жизни. И вот теперь над ним снова нависла угроза разрушения, уже окончательного. Отец

колебался, а тем временем за «Прагу» вступился Микоян, ресторан, как и вся торговля, относился к его «епархии». Отец в душе с ним соглашался, но логика дорожников требовала иного...

Итак, Посохин продолжал докладывать, тыча указкой в намеченные к сносу объекты. Наконец он дошел до треугольника, где сходились старый Арбат и Новый. Заштрихованные «под снос» кубики «Праги» и примыкающего к ресторану старейшего в Москве родильного дома им. Грауэрмана прилепились на самом носике.

— По генеральному плану эти здания подлежат сносу, но... — Посохин замаялся и посмотрел на Микояна.

— Что же вам мешает действовать по плану? — отозвался отец и тоже смотрел на Микояна.

Анастас Иванович заерзал, зачмокал губами, так у него проявлялось волнение и... промолчал.

Посохин продолжил доклад, но отец его почти не слушал.

— Товарищ Посохин, — прервал он докладчика, — давайте уступим Микояну, а дорожники пусть поищут компромиссное решение.

То ли отец на самом деле уступил Микояну, то ли прикрыл им и свое мнение, но судьба ресторана «Прага» решилась. Вместе с «Прагой» сохранился и родильный дом. Широкий тротуар Новоарбатского проспекта тут сужается до минимума.

По истечении десятилетий отношение к старине изменилось. Теперь бы, наверное, никто, даже отец, не проложил бы Новый Арбат сквозь староарбатскую застройку. И я изменился. Для меня теперь «Прага» дороже транспортной развязки, а старые дома, даже обшарпанные, выглядят приятнее современных стеклобетонных коробок. Но что сделано, то сделано, Новый Арбат продолжают поругивать, наверное, потребуется с полвека, пока он перейдет в разряд архитектурной классики.

Если за Новый Арбат костерят Михаила Васильевича Посохина, то за Кремлевский дворец съездов достается в основном отцу. На первых порах отец склонялся построить новое здание для проведения главных мероприятий страны на юго-западе Москвы, в районе любезных его сердцу Ленинских гор. Но потом передумал, негоже такое здание возводить на отшибе. Тогда-то Посохин и предложил Кремль, и отец его поддержал, но запротестовали коллеги-архитекторы. После бурных дебатов возобладали сторонники строительства Дворца съездов, так решили назвать новое сооружение, на кремлевском пятачке. За эту непростую задачу взялся архитектор Евгений Николаевич Стамо. Дворец построили в 1961 году и сразу прозвали «стиляга в толпе бояр». Тогда же его начали поругивать ревнители старины, правда, пока отец оставался у власти, не очень громко. По мнению экспертов, современное здание Кремлевского дворца съездов разрушило целостность старинного архитектурного ансамбля, безвозвратно утрачены стоявшие на его месте казармы. И вообще, все теперь не так, как раньше. Возможно, они и правы, не следовало изменять сложившийся облик Кремля.

С другой стороны, Кремль перестраивали бесконечно. В XX веке снесли Чудов монастырь, где при Борисе Годунове якобы молился Гришка Отрепьев. Снесли, и теперь без открывшейся на его месте площади мы себе Кремль и представить не можем. В XIX веке на месте старого дворца русских царей построили Большой Кремлевский дворец. Тогда тоже говорили о нарушении исторического архитектурного ансамбля и неприемлемом для Кремля «модернизме». Какой Кремль лучше? Времен Ивана Калиты? Бориса Годунова? Александра III? Или Никиты Хрущева? Не берусь судить, и никто не возьмется.

Лично мне Кремлевский дворец съездов нравится: и место выбрано удачно, и противоречивое сочетание старины-новизны играет. Недалеко то время, когда Государственный

Кремлевским дворец, как и Большой Кремлевский дворец, превратится в архитектурную реликвию. Оговорюсь, это мнение неспециалиста.

Заметным событием для строителей стало совещание по градостроительству, открывшееся 6 июня 1960 года в Москве. Обсуждали все тот же большой вопрос: как поскорее расселить граждан из коммунальных в отдельные квартиры. С основным докладом выступил председатель Госстроя СССР Владимир Алексеевич Кучеренко, он похвалился, что если за предыдущую пятилетку в новое жилье переехали 38,4 миллиона человек, то в 1957–1961 годах уже 57,5 миллионов россиян улучшат свои условия жизни. К 1965 году Кучеренко пообещал построить еще 15 миллионов квартир. Невероятно огромные по тем временам цифры. Но и они не позволяли считать кризис преодоленным. Слишком уж много «долгов» накопилось за предыдущие десятилетия.

Отец бросал на жилищное строительство все имеющиеся в его распоряжении резервы, подбирал последние крохи. В Москве приостановили строительство Музея Дарвина, заложили фундамент, и всё заморозили до лучших времен. Средства передали на строительство жилья.

28 апреля 1960 года Президиум ЦК обсуждает сокращение ассигнований на строительство убежищ. Случись ядерный конфликт, они вряд ли спасут. И эти средства решают потратить на жилье. Экономии на всем, до хрипоты спорили, какой быть квартире: с прихожей или без, с коридором или проходными комнатами, совмещенным или раздельным санузлом, с ванной или душем, паркетом или линолеумом на полу, на сколько еще сантиметров можно снизить высоту потолков. Увеличение на десять сантиметров высоты потолка, лишняя стенка в ванной комнате, дополнительные квадратные метры на кухне – это тысячи, десятки тысяч тысяч несостоявшихся новоселий.

Страна разделилась на уже получивших новое жилье и потому считавших, что оно могло бы быть лучше и комфортнее, и тех, кто о квартире только еще мечтал, о любой квартире, но лишь бы своей. Отец твердо стоял на стороне последних.

На его веку квартирный голод удовлетворить так и не удалось, и время «излишеств» не настало.

В начале июля в Москве снесли знаменитую Таганскую тюрьму. На ее месте разбили сквер, вокруг заложили жилые дома. Для москвичей снос тюрьмы стал символом прощания с прошлым: и с царизмом, и со сталинизмом. Никто не думал, что раз стало на одну тюрьму меньше, камеры в других еще более переполнятся. Все, в том числе и прагматик-отец, не сомневались, что вот-вот преступность сойдет на нет, исчезнет, а тюрьмы станут анахронизмом. Поэтому, в отличие от жилья, новые тюрьмы в Советском Союзе не строили.

18 июля отец привозит весь Президиум ЦК в подмосковную деревню Усово, там по его просьбе инженер-строитель Розенталь и изобретатель бетонных вибропрокатных панелей Николай Яковлевич Козлов соорудили типовой двухэтажный крестьянский дом-коттедж. По дороге на дачу отец не раз останавливался, интересовался ходом строительства и вот теперь привез своих соратников полюбоваться на готовый дом. В недалеком будущем ему виделись наши села, застроенные вот такими коттеджами, со всеми городскими удобствами.

На следующий день, 19 июля, отец инспектирует строительство Московской кольцевой дороги. Еще зимой, 28 января, на заседании Президиума ЦК он дотошно выяснял у московского начальства, почему стройка затягивается. Без кольцевой дороги столица буквально задыхалась. Договорились работы ускорить, подготовить еще одно постановление правительства. Теперь отец решил посмотреть, возымели ли его слова действие: строители зашевелились, обещали уже в следующем году открыть движение, правда, не везде, конечно, на первых ее участках.

На январском заседании Президиума ЦК говорили не только об кольцевой дороге, в городе недостаточно прачечных, нет хороших химчисток, снег на улицах не убирают неде-

лями. Поручили Госплану выделить необходимые средства. Тогда же договорились соорудить развязку на Калужской улице (Ленинском проспекте) там, где сейчас стоит памятник Гагарину.

25 июля отец заезжает на пару дней в Астрахань. Открывался сезон охоты, и он не смог отказать себе в удовольствии пострелять уток. Отец сам скрупулезно соблюдал закон и за другими следил, чтобы стреляли дичь только в разрешенные сроки. Нарушения, допускаемые некоторыми высокопоставленными охотниками, он считал глубоко аморальными.

До того отец в Астраханской дельте не бывал, поохотился он на славу, но и на отдыхе его внимание занимала не одна только дичь. По возвращении с охоты отец делится впечатлениями в записке, отправленной 5 августа 1960 года в Президиум ЦК: «В условиях, когда люди ощущают острую нужду в жилье, расточительство – преступление, – пишет отец. – Строительство в Астрахани ведется без продуманного плана, хаотично. Преобладает малоэтажное строительство, в основном двухэтажные дома, трех-четырёхэтажных очень мало. Секретарь обкома товарищ Ганенко ранее не раз говорил со мной о планах строительства жилья с использованием камыша.

Я не увидел ни одного строящегося многоэтажного дома по такой технологии. Дом с каркасом из железобетона и стенами из цементно-камышовых плит может простоять столетия. В личных беседах и письмах, которые мне тут передают, жалуются на плохие жилищные условия, просят оказать помощь». В использовании камыша отец видел еще один источник экономии, а значит, можно построить дополнительно еще несколько тысяч квадратных метров жилья.

По возвращении из отпуска, 18 августа 1960 года, отец рассматривает в Моссовете проект новых городских границ. Договорились, что Москва перестанет расползаться по Подмосковию и ограничится пределами Кольцевой дороги. Там же пришли к заключению, что век пятиэтажек заканчивается, объемы строительства выросли, площади под новостройками расширяются, а их освоение: прокладка коммуникаций, строительство дорог, то есть развитие инфраструктуры, обходится все дороже. Пора переходить к строительству восьмиэтажных домов и еще большей этажности домов-башен. Еще одна строительная новинка.

В конце 1960 года на юго-западе Москвы, в Черемушках, построили две экспериментальные «американские» фабрики. До тех пор заводские корпуса у нас возводили по старинке, чтобы свет падал в помещение с обеих сторон здания, через огромные, во всю стену, окна. Так повелось еще со старых времен, когда на предприятиях другим освещением, кроме естественного, дневного, не пользовались. Делегация строителей, вернувшаяся из США, рассказала отцу о заморском новшестве: там промышленные здания больше не тянут вверх, они расползаются вширь, и не выше пары этажей. Так удобнее, отпадает необходимость перетаскивать станки и прочие тяжести с этажа на этаж. Цеха там без окон, освещение только искусственное, электрическое, вентиляция – принудительная. Такой завод куда дешевле нашего. Как это водится, большинство отечественных промышленников сочли американскую технологию для нас неприемлемой и даже вредной. Как можно работать весь день без солнечного света и свежего воздуха? Меньшинство высказалось за «американцев». Естественно, без спора не обошлось. Меньшинство апеллировало к отцу, и он их поддержал. Он предложил, в порядке эксперимента, построить одно-два подобных зданий. В Москве заложили две приземистые коробочки, две фабрики-близнеца, текстильную и секретную, по производству ракетной электроники. Отец несколько раз ездил на стройку. Теперь, когда работы подошли к концу, отец заглянул туда в выходной, посмотреть что же получилось, я увязался с ним.

Огромные цеха, заполненные станками, мертвящий свет люминесцентных ламп, а по периметру – бытовки. Мне, уже пообтершемуся на производстве, все казалось непривычным и чем-то неприятным. Отцу же новая фабричная компоновка понравилась: всё под одной

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

крышей, не надо детали возить из здания в здание, к тому же строительство завода обошлось почти вдвое дешевле. К остальному же люди со временем попривыкнут, вот только свет надо сделать поестественнее. Американская промышленная архитектура у нас привилась. Сейчас уже мало кто помнит, с чего все началось.